

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Автограф
убийцы

МОСКВА

2 0 1 5

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Оформление серии *А. Старикова*

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Автограф убийцы : [роман] / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-80295-1

Частного детектива Татьяну Иванову нанимает Александр Могильников для расследования смерти его институтского друга Дениса Фирузова, которого некоторое время назад убило на стройке упавшим из окна бетонным блоком. Кроме Дениса и сторожа, в этот момент на объекте никого больше не было. Да и что там делал сам Денис, для всех остается загадкой. Татьяна пытается найти зацепки в этом странном деле, но ни одного свидетеля преступления нет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-80295-1

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Глава 1

— Девушка, купите шарики. Вот этот красный, с зайчиком, прекрасно подойдет как для мальчика, так и для девочки! Что? Нет детей? Не беда, еще будут. Вот, возьмите тогда этот. Большое, горячее сердце. Подарите его своему бойфренду. Или вот, тоже чудесный шар. С изображением свадебных колец. Этот подойдет на тот случай, если ваш дружок слишком затянул с предложением. Ну, не проходите мимо, не пожалее!

Зазывала старался изо всех сил. Он перегорел на дороге тележкой, увешанной разноцветными шариками, наполненными гелием. Их веселые головки пританцовывали в такт ласковому ветерку. Тележка норовила оставить своего хозяина и отправиться в самостоятельное путешествие, поэтому продавцу приходилось ногой удерживать строптивый транспорт. Торопливые прохожие все поголовно отказывали зазывале. Кто вежливо, а кто и не очень.

— Вы бы к другому входу перебазировались, — посоветовал сердобольный прохожий. — Тут

много не заработаете. А у детской площадки контингент самый ваш.

— Я бы с радостью, только там раздачей невесомого счастья другие люди занимаются, — ответил продавец.

— Что ж вы зевали, когда места распределялись, а? Спать долго любите? — вступил в диалог второй прохожий.

— Поспать, друг мой, все любят, — нравоучительно произнес продавец, — в этом ничего зазорного нет. Но в моем случае пристрастие к чарам Морфея решительной роли не играет. Просто кое-кто кое с кем договорился, и, вуаля, ваш покорный слуга разжалован из ведущего клоуна в уличного зазывалу.

— Так вы клоун? — удивился первый прохожий.

— О, да! Король буффонады и гротеска. Сорок лет в Тарасовском цирке. Так купите шарик, или мне дальше идти?

— Извини, друг, — виновато пожав плечами, отказался прохожий. — Мне и подарить его некому.

— Я возьму! — крикнула я, вставая со скамейки и направляясь к тележке.

На ходу роясь в сумочке, я достала пятьсот рублей и попросила:

— Мне вот этот, с зайчиком. Потом этот зелененький, с цветочками. А еще желтый, в форме жирафа, — перечисляла я.

— Прекрасный выбор! — рассыпался в похвалах зазывала. — И цвет, и форма, и композиция.

— Вам тоже нравится? — обратилась я к прохожему.

— Пожалуй, — серьезно осмотрев получившийся букет, согласился прохожий.

— Значит, берем! — тряхнув головой, заявила я, протягивая продавцу купюру.

Король буффонады в недоумении переводил взгляд с купюры на меня и обратно. Я сделала то же самое. Не понимаю, что не так? Деньги не фальшивые, в этом я уверена. Может, у него сдачи с крупной купюры нет?

— Мелочь поискать? — предложила я.

— Что? Мелочь? Нет, столько мелочи у вас точно не будет, — поскущнел зазывала.

— Тогда берите все. Сдачи не надо, — решила я сделать широкий жест.

— Сдачи? Боюсь вас разочаровать, моя зеленоглазая принцесса, но до сдачи вам не хватает, по меньшей мере, еще одного такого же листочка.

Продавец указал на пятисотку, зажатую в моей руке. Я снова опустила глаза, разглядывая деньги. Еще такую же? Это что, шутка такая? За три шарика — тысячу рублей? Я решила проверить свою догадку.

— Сколько же я должна за это великолепие? — потрясла я шарами.

— Восемьсот девяносто рублей, — назвал сумму покупки клоун.

— Сколько? Вот эти три резиновых мешка на ниточке стоят восемьсот девяносто рублей? — пораженный еще больше, чем я, переспросил прохожий.

К тому времени он уже продолжил путь по своим делам, но, услышав сумму покупки, не выдержал, вернулся, и теперь мы вдвоем смотрели на зазывалу, требуя ответа.

— Так ведь принцесса самый дорогой шар выбрала, — начал оправдываться клоун. — Тут один жираф на семьсот рублей тянет. Он же фигурный. Вот видите, и копытца есть, и рожки.

У жирафа действительно имелись все признаки рогатого и парнокопытного животного. Видимо, это обстоятельство возвышало его над собратьями по тележке. Ну, что, мой пятнистый друг, видно, придется тебе остаться с хозяином. Слишком уж ты хорош оказался.

— Я возьму эти два, — объявила я продавцу. — На них ведь этих денег хватит?

— Еще останется, — разочарованно ответил клоун, выживая из кармана сдачу.

Любопытный прохожий давно ушел, а клоун все рылся в карманах в поисках сдачи. Наконец терпение мое иссякло, и я спросила:

— Вы шары продавать собираетесь или будете продолжать изучать содержимое карманов?

— Может, без сдачи поищите? — виновато улыбаясь, попросил он. — Не успел наторговать.

Да вам теперь всего сто девяносто рубликов набрать нужно.

— У вас что, совсем денег нет? — поразилась я.

— Нету. С девяти утра стою, а ни одного шара не продал, — объяснил клоун.

Я взглянула на часы. Стрелки приближались к двум. Да, хороша работенка. Я снова полезла в кошелек. Как назло, у меня были только крупные купюры. Приняв решение, я достала еще одну пятисотенную банкноту, добавила ее к той, что уже имелась, и протянула клоуну со словами:

— Вот, возьмите. Сдачи не надо.

Забрав у ошалевшего зазывалы выбранные шары, я быстро пошла по аллее парка.

— Пойдите, девушка, да погодите же! — кричал мне вдогонку клоун.

Я не останавливалась.

— Возьмите хотя бы еще шаров! — надрывался зазывала.

— Оставьте себе. Дарю! — обернувшись на ходу, крикнула я.

— Спасибо! Большое спасибо! Будет помощь нужна, обращайтесь. Я тут каждый день стою, — горланил на весь парк продавец «невесомого счастья». — Запомните, меня Бим зовут.

Я помахала Биму рукой и свернула в боковую аллею. Эта аллея вела к центральным воротам, у которых я припарковала свой автомобиль. Мне предстояла встреча с новым клиентом. Появляться перед ним с таким «букетом» было как-то неу-

местно. Тем более что из телефонного разговора я поняла, что речь пойдет об убийстве. Представляю лицо клиента, когда он увидит перед собой частного детектива, увешанного разноцветными шарами. Да еще этот жираф в придачу! Убрав шары в салон, я поспешила в назначенное место. Чтобы снова не попасться на глаза зазывале, я выбрала боковую аллею. Пройдя по ней, я оказалась перед прудиком. Шикарная пара белых лебедей кружила по водной глади, навевая романтическое настроение. Ближе к берегу суетились утки всех мастей. Прикупив добрую порцию воздушной кукурузы, я выбрала место на узеньком мосточке и принялась скармливать ее пронирыльным уткам.

— Татьяна? — услышала я за спиной мужской голос.

Обернувшись, встретила взглядом с высоким, солидно одетым мужчиной. Утвердительно кивнув, я помахала рукой и направилась к нему. Пока шла, разглядывала своего потенциального клиента. Довольно молод. На вид не больше сорока. Симпатичен, дружелюбен. По виду не скажешь, что он убит горем. Впрочем, некоторые люди не любят выставлять свои эмоции напоказ. Поравнявшись с мужчиной, я спросила:

— Вы — Александр Могильников?

— Совершенно верно. А вы — Татьяна Иванова, детектив, — утвердительно произнес Александр и добавил: — Не думал, что вы такая.

— Какая такая? — переспросила я.

— Ну, молодая, красивая. Я бы даже сказал, шикарная, — пояснил Александр.

— Вас это смущает?

— Нисколько. Скорее наоборот, — ответил он. — Признаться, я несколько опасался встречаться с вами. Понимаете, раньше мне не приходилось прибегать к помощи частного детектива. Отправляясь сюда, я почему-то думал, что встречу кого-то вроде спецназовца в юбке. Короткая стрижка ежиком, мощные бицепсы, угрожающий взгляд на широкоскулом лице. А тут вы! Должен признать, это приятная неожиданность.

— Вот и прекрасно. Поскольку мы уже выяснили, что к представительницам феминистского движения я никакого отношения не имею, предлагаю перейти к делу. Предпочитаете беседовать на улице или пойдём в кафе? — оставляя выбор за клиентом, спросила я.

— Лучше здесь. Погода хорошая, прекрасный вид, и никакой навязчивой опеки со стороны официантов, — ответил Александр, беря меня под локоть и направляясь к ближайшей скамейке.

«Да мой новый клиент прямо поэт! Такие поэтические образы рисует, говорит, как по писаному», — подумала я про себя. Мы уселись на свободную скамью лицом к пруду, и Александр принялся излагать суть дела.

— У меня есть друг, — начал он и тут же осек-

ся. — Вернее, был. Я похоронил его месяц назад. До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что Дениса больше нет.

Он произнес это спокойно, без надрыва, но мне сразу стало понятно, что внешнее спокойствие — это напускное. Просто Александр старается держать себя в руках. Пауза, возникшая после этой фразы, была едва заметной. Далее он говорил без остановки.

— Прежде чем переходить к событиям тех дней, я должен рассказать предысторию возникновения нашей с Денисом дружбы. Думаю, это нужно для того, чтобы вы поняли, зачем я вообще все это затеваю. Так вот. Познакомились мы с Денисом в Московском университете. Он приехал туда из Пскова. Это на границе с Прибалтикой. Я же попал в столицу благодаря стараниям своей матушки. Была у нее мечта, чтобы единственный сыночек окончил столичный университет и таким образом получил широкие возможности для устройства в жизни. Я был робким, стеснительным провинциалом. Вырос в глухой деревушке на Среднем Урале. Покидать насиженное место боялся пуще смерти, но послушаться мать — еще сильнее. Так и попал в Москву.

Столица встретила меня неприветливо. Она и так-то к приезжим неласкова, а уж к таким, каким был тогда я, и подавно. Надеюсь на то, что провалю вступительные экзамены и смогу спокойно вернуться в свою вотчину, прожил в сто-

лице две недели. Когда пошел узнавать результат, всю дорогу кулаки держал. Как смогу посмотреть матери в глаза, когда вернусь с позором? Об этом я не думал. Я был семнадцатилетним юнцом, и мне до чертиков не нравилась Москва. Но сбылись мечты моей матери, а не мои. Я поступил. Получил место в общежитии.

С этого момента начались мои мытарства. Меня шпыняли все, кому не лень. И преподаватели, и студенты. И даже студентки. Никто не хотел водить дружбу с парнем, который все время мямлит, проглатывает целые слова и фразы. Да еще «окает», где надо и где не надо. Добавьте к вышесказанному цветущую прыщами физиономию, тщедушную фигуру и патологическую застенчивость, и вы получите почти точный портрет меня в те годы. Как думаете, согласились бы вы пойти со мной хоть куда-нибудь? О свидании я даже не заикаюсь!

— Мне кажется, вы преувеличиваете, — честно ответила я, силясь представить на месте этого красавца прыщавого заикающегося уroda.

— О, нет! Поверьте, я еще преуменьшаю, — без тени улыбки ответил Александр.

— Ну, хорошо, поверю вам на слово. Что было дальше?

— Целый год я прожил в Москве, терпя всевозможные унижения. Вернувшись на летние каникулы домой, я как можно тверже заявил матери, что в университет не вернусь. Она промол-

чала, а в конце августа купила билет на поезд, собрала чемодан и отвезла меня на вокзал. Молча. Без каких-либо комментариев. Просто выставила за дверь, и все. Сейчас-то я понимаю, что она сделала это для моего же блага, но тогда... Тогда я почти возненавидел ее. Путь домой мне был заказан. Оставалось ехать в общагу и пытаться не свихнуться там.

И тут судьба приготовила мне сюрприз. Когда я прибыл в общагу, новые первокурсники уже готовы были въехать в стены своего временного дома. Парни, с которыми я делил комнату на протяжении прошлого года, договорились с комендантом общежития, и меня выселили в комнату первокурсников. Случилось так, что одним из студентов, заселившихся в нее, стал Денис Фирузов. Буквально в первый же день он оценил мое подчиненное положение, но вместо того, чтобы начать гнобить меня так же, как остальные, он решил взять надо мной шефство. Я дословно помню фразу, которую он сказал мне вечером первого дня его пребывания в общаге. «Через пару месяцев ты сам будешь выбирать, кому из этих мозгляков протягивать руку, а они будут в очередь становиться, добиваясь твоего расположения». Так он сказал.

Тогда я не придавал значения его словам. Подумал, что просто бахвалится. Но все так и вышло. И даже раньше, чем истекли два отмеренных месяца. Непостижимым образом он устроил так,

что всех остальных студентов перевели в другие комнаты, а мы с ним остались единовластными жильцами. Он и я. И все мои прежние недруги из кожи вон лезли, лишь бы заручиться его дружбой, а заодно и моей. Не спрашивайте, как ему это удалось. Я все равно не смогу ответить. Позднее, курсе на четвертом, я пытался выяснить этот вопрос, но Денис только отшучивался. А тогда мне было безразлично, как это произошло. Я просто наслаждался покоем и неожиданно свалившейся на меня собственной значимостью. Все годы, пока я учился, Денис был моим единственным другом. Заводить приятельские отношения с теми, кто ранее ни в грош меня не ставил, желания не возникало. Да и дружбы с Денисом было вполне достаточно. Так я и дожил до диплома.

По окончании университета наши дорожки разошлись. Первый год я еще пытался поддерживать с Денисом связь, но он отвечал редко и как-то неохотно. Я решил, что ему больше неинтересна моя компания, и прекратил попытки. Начал строить свою жизнь самостоятельно. Та школа, что я прошел в столичной общаге, закалила меня. Сделала другим человеком. По большому счету, всем, что у меня есть, я обязан именно Денису. Если бы не он, я вряд ли выжил бы в Москве.

— Все это замечательно, — вклинилась я в рассказ Александра, — но хотелось бы знать, что заставило вас приехать в Тарасов? Известие о смерти друга?